

Андреев сохраняет в рассказе свойственную ему экспрессионистически эмоциональную манеру повествования. Традиционное для писателя изображение войны как сумасшествия и всеобщего разрушающего хаоса, ярко представленное в рассказе «Красный смех» (1904), сохраняется и в «Ночном разговоре». Но повествовательный фон с его экспрессионистской нагрузкой на детали в изображении «болевого центра» [2] с «массами бледных людей в остроконечных касках» [2], «безграничной усталостью» [2] и «запахом крови» [2] составляет общечеловеческий план восприятия войны наряду с идеологическим, на который переключает внимание писатель, вводя в художественную организацию рассказа двух персонажей: кайзера Вильгельма II и бельгийского профессора, волонтера. Бельгийский волонтер оказывается бежавшим в Бельгию от смертной казни русским революционером. Можно сказать, что у Андреева, занявшего в первые годы войны активную гражданскую позицию и отошедшего на время от художественного творчества, этот рассказ по своей идее также носит ярко выраженный публицистический характер. И в нем, кроме политического аспекта и философского осмысления сущности Первой мировой войны, ее значения для мира и каждого отдельного человека, поднимается еще и проблема национального самосознания.

С одной стороны, получается так, что именно в руках русского революционера на время оказывается жизнь германского императора и именно русский предрекает в финале поражение немцам. Это, в целом, соотносится с теми мессианскими идеями писателя по поводу «освободительницы угнетенных народов» [1, 87] России, которые он активно развивал в публицистике. С другой стороны, автор вступает в полемику с некоторыми бытовавшими в то время мнениями, в том числе, о сущности русского национального сознания и характера. Вильгельм II упрекает русских в излишней эмоциональности и отсутствии рациональной составляющей. Однако по ходу развития действия становится очевидно, что вся практичность и разумность немецкой нации сводится к механизации насилия и смерти, к «моторным плугам, роющим могилы» [2]. Андреев, вопреки устоявшемуся в культурно-философской среде мнению² о губительности преобладающего в русском человеке женского начала, последовательно проводит мысль о том, что именно эмоциональность и женственность характера русской нации является показателем его сильного духа и потому поможет одержать победу над Германией.

Заключение. Л. Андреев, в тех немногих художественных текстах, которые затрагивают вопросы национального характера, делает попытку осмысления особенностей русского сознания, которому, с одной стороны, присущи неупорядоченность и чрезмерный, губительный стыд, а с другой – тоже не свойственные западному миру братолюбие и способность сопереживать. Писатель ищет пути национального возрождения, а потому пытается донести до русского общества важность уверенности в могуществе Российской державы и необходимость быть сопричастным всему происходящему, чего невозможно, по мысли автора, сделать без трезвого осмысления особенностей своего менталитета, его достоинств и недостатков.

Список литературы

1. Андреев, Л. Н. В сей грозный час. Статьи / Л. Н. Андреев. – Петроград: Прометей, 1915. – 110 с.
2. Андреев, Л. Н. Ночной разговор / Л. Н. Андреев // Lib.Ru: Классика [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0539.shtml. – Дата доступа: 11.04.2014.

ФУНКЦИИ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

*Н.В. Голубович
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Библейские мотивы, литературные реминисценции в «Белой гвардии» М.А. Булгакова – отсылки к «Капитанской дочке», «Пиковой даме» А.С. Пушкина, «Войне и миру» Л.Н. Толстого, «Ночи перед Рождеством» Н.В. Гоголя, «Бесам» Ф.М. Достоевского, «Господину из Сан-Франциско» И.А. Бунина, «Фаусту» И.В. Гете – рассматриваются нами как «протексты» произведения.

² Наиболее последовательно данная мысль отразилась в статьях Н. А. Бердяева (Бердяев, Н. А. Судьба России: Книга статей / Н. А. Бердяев. – М.: «ЭКСМО», 2007. – 640 с.).

Цель исследования – выявление интертекстуальных связей в романе и определение их функциональной специфики.

Материал и методы. Материалом для исследования принципов моделирования М.А. Булгаковым художественной реальности являются реминисценции в романе писателя «Белая гвардия». Специальное внимание уделяется особенностям художественного мышления писателя. Методологию исследования определяет комплексный подход, сочетающий сопоставительно-типологический, культурно-исторический и текстологический методы.

Результаты и их обсуждение. Специфика художественной модели реальности в романе «Белая гвардия» и его социально-философская концепция выявляются в смыслопорождающем континууме реального и условно-метафорического планов.

Революционная Россия, как бунинская «Атлантида», несетя у Булгакова навстречу разверзшемуся аду гражданской войны: «Перед Еленой остывающая чашка и “Господин из Сан-Франциско”. Затуманенные глаза, не видя, глядят на слова: ... мрак, океан, вьюга» [2, 187]; «и глумятся «Бесы» отчаянными словами...» [2, 229].

Точкой отсчета идейной концепции «Белой гвардии» становится образ метели в эпиграфе к роману. Образы зимнего ненастья: «буран», «метель», «пурга», «вьюга» – символичны в русской литературе и традиционно связаны с выражением «душевной» или «духовной» непогоды, с социальными или историческими невзгодами. Эти символы имеют множество смысловых значений и индивидуально-авторских интерпретаций.

Особое место занимает «снежная» символика у русских символистов, на близость к которым М.А. Булгакова указали такие литературоведы, как М. Каганская, С. Шаргородский [4, 5, 7] и др. Непосредственное влияние поэмы А. Блока «Двенадцать» усматривает в «Белой гвардии» славист из США Эллендея Проффер: по ее мнению, снежный буран за окнами турбинской квартиры и тепло домашнего очага поляризованы в романе так, как в жизни противопоставлены хаос социальных бурь и благоустроенность цивилизации [6, 95].

Принимая во внимание мнение авторитетных ученых, мы тем не менее хотели бы отметить не переключки, сходства или аналогии с символистами в семантике «зимних» образов (которые, конечно, можно обнаружить в «Белой гвардии»), но именно несовпадения – и более того, указать на очевидные различия в генеалогии символа «метели» у М. Булгакова и А. Блока.

«Метельные» образы у А. Блока (“Завивает ветер/Белый снежок”, “Гуляет ветер,/порхает снег”, “Разыгралась чтой-то вьюга”, “ – Ох, пурга какая, спасе!”, “И вьюга пылит им в очи” и т.д.) – это символы революционной (разрушительной, но очищающей) стихии, сметающей старый мир, приговор которому звучит в начале поэмы «Двенадцать». Блоковское отношение к революции сложное, противоречивое, не сводящееся к какому-либо однозначному тезису. Но приятие революции Блоком очевидно. В статье «Интеллигенция и революция» А. Блок пишет: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и – по-новому – великой», «Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую немного равных себе по величию», «Не бойтесь разрушения кремлей, дворцов, картин, книг. Беречь их для народа надо; но, потеряв их, народ не все потеряет. Дворец разрушаемый – не дворец. Кремль, стираемый с лица земли, – не кремль. Царь, сам свалившийся с престола, – не царь. Кремли у нас в сердце, цари – в голове» [1, 9-11]. Несмотря на метафоричность и экспрессивность блоковских высказываний, всеотрицающая революционная патетика А. Блока чужда булгаковскому «монархическому стоицизму» – даже когда речь идет о «буржуазных», по Блоку, – сугубо материальных символах старой России. Как не вспомнить в связи с этим известную булгаковскую «фотографию с моноклем».

В отличие от А. Блока, слушавшего революцию «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» и призывающего «пальнуть в Святую Русь», М.А. Булгаков открыто заявил о своем принципиальном неприятии любых революционных изменений. Начиная с очерка «Грядущие перспективы» (1919) писатель будет неустанно напоминать о слепой жестокости революции и о неминуемой расплате: «Нужно будет платить за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном, и в буквальном смысле слова. Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станков для печатания денег... за все» [3, 110]. Вопреки блоковскому «мы бездомны, бессемейны <...> – что же нам терять?», булгаковским Турбиным есть что терять. Наперекор всем историческим «стихиям» Турбины будут оберегать непреходящие для них ценности «старого мира»: «бронзовую лампу под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей

Ростовой, Капитанской Дочкой...», – всё то, что воплощает и подразумевает для них дом, семью, честь офицера, преданность присяге, верность «богу на иконе» и «царю на троне».

Заключение. Не только эпиграф из «Капитанской дочки» подсказывает нам действительный источник «снежного» лейтмотива в булгаковском романе, но прежде всего пушкинский взгляд на русскую историю, на способы разрешения конфликта «между белой и черной костью» и, главное, абсолютное неприятие А.С. Пушкиным той «животной бодрости», которую приветствует Блок в революции. Строки из «Капитанской дочки» прочерчивают преемственную связь булгаковского романа с пушкинской темой трагической, метельной судьбы России, тревожных, «буранных» ее дорог.

Список литературы

1. Блок А.А. Интеллигенция и революция / А.А. Блок. Собрание сочинений. В 8 т. Т.6. – М.-Л.: Гос. издательство художественной литературы, 1962. – с. 9-20.
2. Булгаков, М.А. Собрание сочинений: в 5 т. / М.А. Булгаков; Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; Вступ. статья В. Лакшина; Подгот. текста М. Чудаковой; Коммент. Я. Лурье, А. Рогинского («Белая гвардия»), М. Чудаковой. – М.: Худож. лит., 1992. – Т. 1: Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. – 623 с.
3. Булгаков М.А. Морфий / Сост., предисл. и коммент. В. Казака. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 479 с.
4. Каганская, М. Мастер Гамбс и Маргарита / М. Каганская, З. Бар-Села. – Тель-Авив, 1984. – 272 с.
5. Каганская, М. Белое и красное / М. Каганская // Литературное обозрение. – 1991. – № 5. – С. 93 – 99.
6. Галинская И.Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; Отв. ред. Скворцов Л.В. – М., 2003. – 132 с.
7. Шаргородский, С. Собачье сердце, или Чудовищная история / С. Шаргородский // Литературное обозрение. – 1991. – № 5. – С. 87 – 92.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В ТЕКСТЕ «ТЯЖЕЛАЯ ДОЛЯ. ОТРЫВКИ ИЗ “ДНЕВНИКА” СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ» (ВИТЕБСК, 1903)

В.В. Горнак

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

«Тяжелая доля...» – это литературно-художественное произведение, в основу которого положены дневниковые записи сельской учительницы – Веры Андреевны. В тексте достаточно подробно описывается быт сельской местности конца XIX века, значительное место в повествовании отводится внутреннему миру учительницы, ее взаимоотношениям с деревенскими жителями и школьниками, довольно широко представлена местная разговорная речь. Подлинное имя автора установить не удалось. Известны только его инициалы – В.К. Первый и единственный раз это произведение было опубликовано в 1903 году.

Цель исследования заключается в рассмотрении художественного времени как категории литературного текста.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужило произведение «Тяжелая доля. Отрывки из “Дневника” сельской учительницы» [1]. В процессе работы использовались следующие методы: описательный, лингвистическое комментирование, семантико-стилистический. Художественное время нами понимается как «форма бытия эстетической действительности, особый способ познания мира» [2, 44].

Результаты и их обсуждение. Художественное время в анализируемом тексте **многомерно**, так как оно состоит из времени автора (В.К.), времени предполагаемого читателя и субъективного времени главного персонажа – сельской учительницы Веры Андреевны.

Сюжетное время одновременно является и **биографическим**, так как в произведении описывается определенный жизненный этап главной героини – *годы ее учительства в сельской школе* [1, 3]. **Время автора** (В.К.) играет непосредственную роль в установлении границ всего текста (начало и конец), являясь своеобразным «каркасом», «оправой» для дневниковых записей Веры Андреевны.

Время в дневниковых отрывках **обратимо**, что объясняется принципом организации мемуарных произведений. В «Тяжелой доле ...» мы наблюдаем двойную ретроспекцию. Первую (начальную) линию представляет непосредственное ведение дневника, в котором фиксировались события и переживания молодой учительницы, происходившие в период ее работы в сельской школе. Перечитывание Верой Андреевной своих записей – это вторая ретроспективная линия: *Как все это было давно, но как свежо оно в памяти!* [1, 23]; *Буря ли навеяла грустные воспоминания или роковая болезнь...* [1, 3].